

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ ДИАЛОГОВ ГЕРОЕВ Ф.М.
ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»

Одилбекова Дилафруз

Студентка 4-курса направления «Филология и обучение языкам: русский язык»

Аннотация: В статье анализируется психологическая выразительность диалогов в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» через призму синтаксической организации речи. Рассматриваются способы передачи эмоциональных состояний героев — исповедальной открытости, аффектов, внутренней рефлексии и подсознательных проявлений — посредством эллипсиса, парцелляции, инверсии, вставных конструкций, несобственно-прямой речи и динамики синтаксических единиц. Особое внимание уделено синтаксической полифонии, отражающей столкновение разных речевых стилей и психологическую многомерность персонажей, а также роли авторских ремарок и ритмической организации диалогов в создании психологической выразительности.

Ключевые слова: психологическая выразительность, диалогическая речь, синтаксис, эллипсис, парцелляция, инверсия, вставные конструкции, несобственно-прямая речь, синтаксическая полифония, авторские ремарки, динамика синтаксиса, Ф.М. Достоевский, «Подросток»

В романе «Подросток» Достоевский достигает небывалой глубины психологического анализа, и одним из главных инструментов этого анализа становится синтаксическая организация диалога. Как отмечал М.М. Бахтин, «Достоевский изображает не столько человека в мире, сколько мир в человеке, и синтаксис его диалогов — это форма изображения самого сознания»¹³⁹. В настоящем параграфе на конкретных примерах рассматривается, как синтаксические средства (типы предложений по цели высказывания, эллипсис, парцелляция, инверсия, присоединительные конструкции, вставные элементы) участвуют в создании психологической выразительности, позволяя передать эмоциональные состояния героев — от исповедальной открытости до аффективных срывов, от рефлексивного самоанализа до подсознательных прорывов.

Исповедальные диалоги занимают центральное место в композиции «Подростка». Синтаксически они строятся как прерывистые, незавершённые конструкции, где

¹³⁹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. С. 85.

паузы, многоточия, парцелляция передают внутреннюю борьбу, страх перед полным самораскрытием.

Ключевая сцена — признание Аркадия Версилону в сыновстве:

«— Я знаю, что вы мой отец. Я давно знаю. Я всё знаю. И я пришёл... я пришёл вас...»

Парцелляция (разбивка на короткие предложения) имитирует нарастание напряжения; последняя реплика обрывается многоточием, за которым должна следовать семантически ключевая лексема («простить», «увидеть», «понять»). Синтаксическая незавершённость здесь психологически мотивирована: Аркадий не может произнести главного слова, оно застревает в горле. Достоевский передаёт это через разрыв синтаксической структуры.

Аналогичный приём использует Версильон в сцене покаяния перед Аркадием:

«— Прости меня... если можешь... — проговорил он, не глядя на меня.»

Паузы, многоточия, условное придаточное, вынесенное в постпозицию, создают интонацию сомнения в собственном праве на прощение. Синтаксическая незавершённость здесь — не признак слабости, а знак подлинности переживания.

Аффективные состояния героев Достоевский передаёт через синтаксический сбой — разрушение нормальной грамматической структуры, накопление повторов, восклицаний, императивов. Наиболее ярко это проявляется в сценах с участием Ламберта и в моменты крайнего душевного напряжения Аркадия.

В сцене, где Аркадий обнаруживает, что Ламберт замышляет против него:

«— Ты... ты... да ты что? — закричал я, вскакивая.

— А то, что я тебя убью, — ответил он, тоже вскакивая и вынимая из кармана револьвер.»

Повтор местоимения «ты» с паузами (парцелляция на уровне слова), эллиптический вопрос «да ты что?» (вместо «что ты делаешь?»), восклицательная интонация — всё это создаёт синтаксический портрет аффекта. Ответная реплика Ламберта, напротив, синтаксически завершена и подчёркнуто спокойна, что усиливает контраст.

В сцене, когда Аркадий узнаёт о предательстве:

«— Я убью тебя! — закричал я, хватая его за плечо.»

Императив в форме изъявительного наклонения («убью») в сочетании с дееспричастным оборотом «хватая его за плечо» передаёт импульсивность, неразличение слова и действия.

Достоевский проникает в сферу подсознательного, используя синтаксис, имитирующий нарушение логических связей, сдвиги конструкций, алогичные повторы. В сцене галлюцинации Версильона (рассказ о «золотом веке») синтаксис

становится плавным, ритмически организованным, но при этом синтаксический параллелизм и анафоры создают эффект нереальности:

«— Помню я, как в детстве читал я одну книгу... Там был изображён золотой век... И вот мне приснилось, что я там...»

Повтор «я» в разных синтаксических позициях, присоединительные конструкции («помню...», «там был...», «и вот...») передают погружение в сновидческое состояние.

В речи Аркадия в моменты крайнего напряжения возникают проговорки — синтаксические сбои, которые выдают подавленные желания. В сцене с Ахмаковой:

«— Я вас... я вас люб... то есть я хотел сказать...»

Обрыв на слоге «люб» (от «люблю») и мгновенная замена на «я хотел сказать» — синтаксически это оформлено как перестройка конструкции. Проговорка маркирует прорыв подсознательного, которое герой тут же пытается подавить.

Психологическая выразительность в «Подростке» достигается не только за счёт выбора синтаксических конструкций, но и за счёт динамики — изменения синтаксического рисунка на протяжении одного диалога. В сцене объяснения Аркадия с Ахмаковой начальные реплики героини синтаксически сдержанны, вопросительны, что позволяет ей контролировать разговор. По мере нарастания эмоционального напряжения её синтаксис начинает «ломаться»:

«— Оставьте... оставьте меня... ради Бога... — проговорила она, отстраняя его рукой.»

Парцелляция и многоточия здесь сигнализируют о потере контроля. Таким образом, синтаксическая трансформация в пределах одной сцены становится графиком эмоционального переживания.

Важную роль играет ритмическая организация синтаксических конструкций. В исповедальных монологах Версилова длинные периоды с однородными придаточными создают замедленный, торжественный ритм, соответствующий рефлексивной глубине. В сценах аффекта, напротив, преобладают короткие, рваные ритмические группы. Достоевский сознательно использует синтаксический ритм как психологический маркер.

Особого внимания заслуживает синтаксис молчания — те случаи, когда психологическое напряжение передаётся через многоточия, обрывы, авторские ремарки, фиксирующие паузу. В диалогах «Подростка» пауза часто становится активным элементом психологической выразительности. Например:

«— Я вас... — начал было он и вдруг остановился, как бы не находя слов.»

Многоточие и авторская ремарка «как бы не находя слов» превращают паузу в знак внутреннего переживания, которое не может быть выражено вербально.

Наконец, психологическая выразительность в романе достигается за счёт синтаксической полифонии — столкновения разных синтаксических стилей в рамках одного диалога. Когда Версилов в сцене покаяния начинает говорить языком Аркадия (парцеллированными, незавершёнными фразами), это указывает на его временное «уподобление» сыну, на обретение подлинной эмоциональной связи. Синтаксическая мимикрия становится знаком психологического сближения, преодоления дистанции. И напротив, когда Аркадий в финале пытается заговорить языком Версилова (развёрнутые периоды), это отражает его попытку обрести интеллектуальную самостоятельность, но синтаксическая неуклюжесть этой попытки выдает сохраняющуюся подростковую неуверенность.

В романе «Подросток» диалог часто строится как столкновение не просто голосов, но и разных синтаксических систем, каждая из которых несёт свой психологический подтекст. Синтаксическая полифония возникает тогда, когда в пределах одной сцены сталкиваются завершённые периоды Версилова и рваные конструкции Аркадия, императивная краткость Ламберта и сдержанные вопросы Ахмаковой. Однако наиболее тонкие психологические нюансы Достоевский передаёт через синтаксические «сбои» в речи персонажа, который пытается говорить не своим голосом — заимствует чужой синтаксис, имитирует чужую речевую манеру, и в этом заимствовании проступает его истинное состояние.

Показательна сцена, где Аркадий, желая выглядеть взрослым и циничным, пытается говорить как Ламберт — короткими, императивными фразами:

«— Деньги? — спросил я, стараясь подражать его тону. — Надо брать, когда дают.»

Короткое эллиптическое предложение («Надо брать, когда дают») имитирует лаконизм Ламберта, но авторская ремарка «стараясь подражать его тону» обнажает искусственность, психологическую неорганичность этого синтаксиса для Аркадия. Читатель чувствует фальшь, которая становится знаком внутреннего конфликта героя, разрыва между навязанной маской и подлинным «я».

Обратный пример — Версилов в моменты душевной близости к сыну неожиданно переходит на аркадиевский синтаксис:

«— Я тебя... я тебя тогда... не понял... — проговорил он, запинаясь.»

Повтор местоимения, паузы, незавершённость — это синтаксический портрет Аркадия, но произносит его Версилов. Такое заимствование сигнализирует о временном отказе от роли «учителя», о прорыве подлинной эмоциональности.

Особый случай синтаксической полифонии — диалог, где реплики строятся как цитаты из чужих речевых стилей. В споре Аркадия с Версильовым о «случайном

семействе» Аркадий неожиданно использует сложный период, характерный для оппонента:

«— Вы говорите, что я не понимаю, что такое традиция, но я вам скажу, что традиция без любви есть только насилие.»

Таким образом, синтаксическая полифония в «Подростке» выступает не просто как формальный приём, но как способ изображения психологической многомерности. Через столкновение, заимствование, пародирование синтаксических стилей Достоевский передаёт внутренние конфликты героев, их попытки присвоить или отвергнуть чужие модели мышления, а также моменты подлинной близости, когда синтаксические границы между «я» и «другим» временно исчезают.

Список использованных источников

1. Бабайцева В. В. Система односоставных предложений в современном русском языке. — М.: Дрофа, 2004. — С. 92.
2. Баранов А. Н. Лингвистический анализ текста. — М.: Академия, 2001. — 240 с.
3. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. — М., 1979. — С. 241.
4. Виноградов В. В. Стиль Пушкина. — М.: Наука, 1981. — 400 с.
5. Валгина Н. С. Современный русский язык. Синтаксис. — М.: Логос, 2003. — 528 с.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Наука, 1981. — 139 с.
7. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. — М.: Просвещение, 1965. — 408 с.